

A man and a woman are shown in a close embrace on a rocky cliff at night. The woman has intricate tattoos on her arms and legs. In the background, a lighthouse sits on a distant cliff, and a large, ornate compass rose is superimposed on the sky. A bright, colorful nebula or star cluster is visible in the upper left corner of the frame.

Владимир Кожевников

Астрономия невозможного

18+

Владимир Кожевников

Астрономия невозможного

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Астрономия невозможного / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Она — реставратор старинных карт, научившаяся прятаться от жизни среди бумажных улиц. Он — картограф, рисующий города, которых нет. Их встреча в библиотеке запускает цепную реакцию: чернила начинают пахнуть озоном, июньский дождь превращается в чёрный снег, а реальность подчиняется линиям, проведённым кровью. Чтобы спасти друг друга, им придётся пройти лабиринт из собственных воспоминаний, стать картой и заново нарисовать вселенную, в которой возможна их любовь. Но чем больше они создают, тем больше теряют. Это история о двух одиночествах, которые нашли друг друга на краю невозможного — и о цене, которую платят те, кто осмеливается любить по-настоящему.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Кожевников

Астрономия невозможного

Астрономия невозможного

Глава 1. Точка сингулярности

Дождь в этом городе был не водой. Он был серой взвесью, состоящей из забытых обещаний и выхлопных газов. Элизабет стояла у витрины библиотеки, чувствуя, как сырость проникает под воротник, но не замечала этого. Она держала в руках скальпель, но резала не бумагу, а время. Реставрация карт — это профессия для тех, кто боится будущего, потому что прошлое, зафиксированное на бумаге, безопасно. Оно уже случилось. Оно не может сделать больно.

Ей было двадцать восемь. Она жила одна. Но это не имело значения, потому что она давно перестала считать себя живой. Она существовала. Как существует старая карта в архиве. Её можно достать, рассмотреть, но нельзя использовать.

В библиотеке пахло не пылью. Пахло озоном, как перед грозой, и старой кожей. Элизабет любила этот запах. Он был честнее запаха духов.

Когда дверь открылась, воздух в зале изменил свою плотность. Вошёл мужчина. Он не был просто высоким. Он занимал пространство так, будто оно принадлежало ему по праву рождения. Его пальто было мокрым, но он не отряхивался. Он смотрел прямо на Элизабет, и в его глазах цвета грозового неба она увидела отражение своего собственного одиночества.

— Вы — Элизабет Фэрроу? — голос у него был низким, с хрипотцой человека, который долго молчал.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответила она, не отрываясь от работы. Скальпель дрогнул. Она никогда не ошибалась. Но сейчас — дрогнул.

Он подошёл ближе. Слишком близко. Нарушая все правила приличия и санитарные нормы библиотеки.

— Меня зовут Кай. Кай Мор. Я картограф.

Он замолчал. Элизабет ждала. Она умела ждать. Это было частью её работы.

— Я рисую карты мест, которых не существует, — сказал он наконец. — Это звучит безумно. Я знаю. Но это правда. Вчера я нарисовал карту, где есть вы. И я не могу найти выход из этого лабиринта.

Элизабет подняла глаза. Он не шутил. Он был либо безумен, либо гениален. В их мире это часто одно и то же. Но было что-то ещё. Что-то в том, как он стоял. Как он смотрел. Как он дышал. Он боялся. Он боялся, что она прогонит его. И этот страх делал его настоящим.

— Покажите, — сказала она.

Кай развернул на столе лист пергамента. Это не была карта в привычном смысле. Это была карта созвездий, но линии были проведены не звёздами, а трещинами на коже. В центре пульсировала точка.

— Это точка сингулярности, — прошептал Кай. — Место, где заканчивается логика и начинается чувство. Я думал, что рисую вымысел. Но когда я посмотрел на вас, я понял, что рисовал портрет.

Он взял её руку. Его пальцы были холодными, как речная галька, но там, где он касался, кожа Элизабет вспыхивала огнём. Это было не прикосновение. Это был электрический разряд.

— Вы чувствуете? — спросил он.

— Да, — выдохнула она. — Это похоже на боль.

Он улыбнулся. Впервые. Улыбка была кривой и опасной.

— Любовь — это всегда боль, Элизабет. Это единственный способ узнать, что ты жив.

Они не пошли в архив. Они остались в главном зале, среди стеллажей с книгами, которые никто не читал десятилетиями. Кай прижал её к полке. Книги посыпались на пол, но никто не

обратил внимания. Его губы нашли её губы, и это был не поцелуй, а акт присвоения. Он пил её дыхание, как воду в пустыне.

Элизабет запустила пальцы в его волосы. Они были жёсткими, пахли дымом и дорогой. Она растянула его рубашку. Под ней не было тела. Под ней была карта. Шрамы на его груди складывались в контуры рек и гор. Она провела языком по одной из рек. Кай вздрогнул.

— Ты читаешь меня, — прошептал он.

— Я реставратор, — ответила она, растягивая его брюки. — Это моя работа.

Секс был не нежным. Он был отчаянным. Это было столкновение двух вселенных, которые слишком долго вращались в пустоте. Они занимались любовью на холодном полу, среди запаха пыли и озона, и Элизабет чувствовала, как карта на груди Кая начинает жечь её ладони. Она не отстранялась. Боль означала, что это реально.

Когда они закончили, дождь за окном превратился в снег. В июне.

— Что происходит? — спросила Элизабет, натягивая платье.

— Карта меняется, — Кай смотрел на пергамент. Точка сингулярности пульсировала быстрее. — Мы изменили реальность. Теперь за нами придут не люди. Придут те, кто стирает несоответствия.

Он протянул ей руку.

— Пойдём. Нам нужно нарисовать новый мир, прежде чем этот сотрётся.

Элизабет взяла его за руку. Она больше не боялась будущего. Она боялась только одного — проснуться.

Глава 2. Карта боли

Они выбежали через чёрный ход. Элизабет не чувствовала холода. Она чувствовала только руку Кая в своей. Она держалась за неё, как за единственную нить, связывающую её с реальностью.

Снег в июне был не белым. Он был серым, как пепел. Он падал на землю и не таял. Город был пуст. Люди спрятались в домах, закрыли окна, заперли двери. Они боялись того, что не могли объяснить. Элизабет их понимала.

Мастерская Кая находилась в подвале старого дома на улице, которой не было на карте города. Элизабет заметила это. Она всю жизнь работала с картами. Она знала этот город наизусть. Но этой улицы не существовало. Она появилась только что.

— Ты рисуешь не только карты, — сказала она. — Ты рисуешь реальность.

— Я рисую то, что чувствую, — ответил Кай. — Реальность сама подстраивается.

В мастерской пахло скипидаром и чем-то ещё. Чем-то металлическим. Кровью. Элизабет увидела на столе нож и окровавленную тряпку.

— Ты уже рисовал сегодня, — сказала она.

— Да, — Кай не смотрел ей в глаза.

— Что ты нарисовал?

— Тебя.

Элизабет подошла к столу. На нём лежала карта. Та самая. Точка сингулярности пульсировала медленно, как сердце. Рядом лежали другие карты. Элизабет взяла одну. На ней был изображён город, которого она не знала. Под городом было написано: «Место, где мы будем счастливы».

— Ты рисовал наше будущее, — прошептала она.

— Я пытался, — Кай сел на стул. Он выглядел уставшим. — Но карта не принимает. Она требует жертву.

— Какую?

— Воспоминания. — Он поднял глаза. В них была боль. — Я уже отдал ей своё детство. Я не помню свою мать. Я не помню, как учился ходить. Я не помню, когда впервые почувствовал страх. Всё это — здесь. — Он указал на карту. — И теперь она хочет больше.

Элизабет почувствовала, как холод пробегает по спине. Не от снега. От страха.

— Что она хочет?

— Тебя.

Он сказал это просто. Как факт. Как приговор.

— Я не понимаю, — Элизабет села на пол. Ноги не держали.

— Карта — это не просто бумага. Это живое существо. Она питается тем, что мы любим. Я люблю тебя. Она хочет забрать тебя. Не физически. Она хочет забрать моё воспоминание о тебе. Чтобы я забыл, что ты существуешь.

Элизабет посмотрела на него. Внутри неё всё сжалось. Ярость. Ужас. Любовь. Всё смешалось в один комок, который подступил к горлу.

— Значит, ты должен перестать любить меня, — сказала она.

— Нет. — Кай встал. Он подошёл к ней. Опустился на колени. — Я должен найти способ обмануть карту.

— Как?

— Я не знаю.

Он поцеловал её. Это был не поцелуй страсти. Это был поцелуй отчаяния. Он целовал её так, будто прощался. Она отвечала ему так, будто хотела запомнить его навсегда.

Они занимались любовью на полу мастерской. Среди карт и красок. Среди запаха крови и скипидара. Это было не красиво. Это было не нежно. Это было страшно. Элизабет чувствовала, как его слёзы падают на её лицо. Она чувствовала, как её собственные слёзы смешиваются с его. Она чувствовала, как карта на столе пульсирует быстрее. Она чувствовала, как что-то уходит из неё. Что-то важное.

Когда они закончили, она не помнила, как зовут её мать.

— Что происходит? — спросила она. Голос дрожал.

— Карта взяла своё, — Кай отвернулся.

— Верни, — потребовала она. — Верни мне это.

— Я не могу. — Он смотрел в стену. — Я не могу вернуть то, что уже стёрто.

Элизабет заплакала. Она плакала не о матери. Она плакала о себе. О том, что она стала меньше. О том, что часть её исчезла. И это было только начало.

Кай подошёл к столу. Он взял нож. Он порезал свою руку. Кровь потекла на карту. Линии начали появляться. Новые линии. Новые дороги. Новый мир.

— Что ты делаешь? — спросила Элизабет.

— Рисую выход.

— Ты убьёшь себя.

— Возможно.

Он продолжал рисовать. Кровь капала на бумагу. Карта пила её. Элизабет смотрела на него. Она хотела остановить его. Но она не могла. Она знала, что, если он остановится, они умрут. Оба.

В дверь постучали. Три удара. Медленных. Тяжёлых.

Кай замер. Элизабет посмотрела на дверь. Потом на него.

— Это они, — сказал он. — Картографы-Архивариусы. Они пришли стереть нас.

— Кто они?

— Те, кто следит за равновесием. Мы нарушили его. Мы создали новую реальность. Они не могут этого допустить.

Он схватил её за руку. Они выбежали через окно. Снег стал ещё сильнее. Он был уже не серым. Он был чёрным. Как чернила.

Элизабет не знала, куда они бегут. Она просто держала Кая за руку и верила, что он спасёт её. Но где-то глубоко внутри она знала. Она знала, что он не спасёт её. Он спасёт себя. Потому что карта пила его кровь. А кровь была сильнее любви.

Глава 3. География тела

Они бежали всю ночь. Чёрный снег падал на землю и не таял. Он был похож на пепел. На пепел сожжённых карт. Элизабет не чувствовала ног. Она просто шла. Кай вёл её за собой. Его рука была холодной. Но она держалась.

К утру они добрались до старого маяка на берегу моря. Маяк был заброшен. Внутри пахло солью и ржавчиной. Пахло временем. Которое здесь остановилось.

Они поднялись наверх. Оттуда было видно море. Оно было серым и спокойным. Как бумага, на которой ещё не рисовали. Элизабет села на пол. Она была пуста. Как будто карта выпила её до дна.

Кай сел рядом. Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое. Что-то, чего она раньше не видела. Страх.

— Ты должна кое-что узнать, — сказал он. — Обо мне.

Он снял рубашку. Элизабет увидела его тело. Оно было покрыто шрамами. Они были везде. На груди, на животе, на спине. Они переплетались, как реки. Они соединялись, как горные хребты. Они были живыми.

— Что это? — спросила она.

— Это карты, — ответил Кай. — Каждый шрам — это место, где я был. Каждое место — это мир, который я создал. А потом уничтожил.

Элизабет провела пальцами по его шрамам. Они были тёплыми. Как будто живые. Как будто они дышали.

— Расскажи мне, — попросила она.

Кай начал рассказывать. Он говорил о городах, которых нет. О людях, которых он любил и потерял. О мирах, которые он нарисовал и сжёг.

— Здесь, — он указал на шрам на левом плече, — был город, где всегда шёл дождь. Я жил там три года. Я любил женщину по имени Мира. Она погибла, когда я стёр этот мир. Я сделал это, потому что карта потребовала жертвы. Я выбрал себя. Я всегда выбираю себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.